

А. М. Лиджиева

МЕНТАЛЬНЫЕ КАРТЫ ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА У КАЛМЫЦКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПЕРИОД COVID-19

Статья посвящена выявлению и структурно-функциональному описанию «ментальных репрезентаций» пространства города у калмыцкой молодежи в период пандемии. Анализируя ментальные карты, автор выделяет универсальные черты, присущие повествованию о повседневной жизни в условиях ограничений в марте 2020 г., чувствах и настроениях, связанных с пандемией COVID-19, радикально изменившей образ жизни людей, и дистанционным обучением, занятиями спортом и использованием жизненного пространства. Исследование основано на методе ментального картирования, разработанном в работах К. Линча (1960) и Э. Толмэна (1948), где две основные характеристики города как репрезентируемой группы объектов и их отношений – читаемость (ligibility) и воображаемость (imageability) – используются как метод его деконструкции и как способ описания языка о городе. Цель работы – проследить, какой образ формируется в сознании молодежи по отношению к пространствам города Элисты. Исследование проводилось с использованием структурно-функционального метода. Автор приходит к выводу, что трансформация городского пространства под влиянием пандемии COVID-19 связана не только с физическими ограничениями. Автор анализирует, каким образом трансформируются локусы города в плане их пространства и каждодневных практик во время пандемии COVID-19. Собранный материал дал возможность проанализировать также эмоциональное состояние молодых людей, оказавшихся в столь непривычной для них ситуации, оценку ими своего положения и осмысление того, как период пандемии повлиял на образ жизни молодых людей.

Ключевые слова: ментальная карта, репрезентация, пандемия, калмыки, молодое поколение, восприятие, город, пространство

Введение

Городское пространство всегда было важнейшим элементом города для создания устойчивых сообществ. Исследование города и городского пространства продолжает оставаться актуальным в настоящее время как для урбанистики, так и для социальной антропологии. Так, актуальной остается проблема изучения восприятия городского пространства как когнитивной репрезентации и обобщенного образа города в сознании отдельного человека.

В современных научных исследованиях города как места пространственной городской среды тема ментального картирования приобретает все большую популярность. Как замечает Е. Г. Трубина, «Ментальные карты города – результаты практического, а потому неизбежно субъективного картографирования города, имеющиеся у каждого горожанина. В них отмечены наиболее часто используемые маршруты, памятные для данной личности места, места, в которые хотелось бы перебраться, опасные и безопасные, места работы и места удовольствия» (Трубина 2011: 510).

Анализ ментальных карт как репрезентации локуса можно обнаружить в работах С. Трьюбриджа (Trowbridge, 1913), Р. Китчина (Kitchin, 1994), Д. Джейкобсона (Jacobson, 2006). Богатый материал по ментальным картам можно обнаружить в трудах К. П. Глазкова (Глазков, 2013), Л. М. Андрюхиной (Андрюхина, 2016), И. Г. Беляевой (Беляева, 2016), Н. Ю. Замятиной (Замятина, 2008). В этих исследованиях в основном рассматриваются вопросы применения и использования ментальных карт города. Научный фокус и внимание ученых направлены на обобщение способов анализа, ограничениях метода и образа «нового» и «старого» в ментальных картах горожан. Что касается исследований данной темы в малых городах, то важно отметить работы К. Глазкова (Глазков, 2015), В. В. Орловой, Е. С. Ивановой (Орлова, Иванова, 2014), Н. В. Барабошиной (Барабошина, 2012), Н. Рупасова (Рупасов, 2009), А. А. Бадерина (Бадерина, 2018), в которых рассматриваются ментальные образы городов, элементов

в контексте восприятия пространств городов жителями регионов Сибири и Дальнего Востока. Наше же исследование направлено на частичное восполнение существующего пробела в области исследований.

Методология исследования

В этой статье мы использовали теоретический конструкт «воображаемости» (imageability), предложенный Кевином Линчем, который определял воображаемость как свойство материального объекта, вызывающего мощный образ в сознании любого наблюдателя. Концепция определяет пять типов первичных элементов – пути, границы, зоны, заметки, ориентиры. Прежде чем рассматривать данные элементы в контексте восприятия пространств города, остановимся на их определении.

К. Линч дает следующее определение первичных элементов: «пути (paths) – это тропы, по которым горожане обычно или время от времени передвигаются. Пути могут выступать улицы, тропинки, тротуары, транзитные железные дороги и проч. Для большинства горожан в визуальном восприятии пространств города это значимые элементы» (Lynch, 1960: 7).

Границы (edges) он описывает как линейные элементы, не рассматриваемые горожанами как «пути». Границами могут служить: берег водоема, железнодорожные выемки, края застройки, стены. Это поперечные ориентиры, а не координатные оси. Как отмечает автор, «границы, хотя, вероятно, и не являются доминирующими в качестве троп, для многих горожан они выступают значимыми организующими элементами, особенно в роли удержания вместе обобщенных областей, таких как очертания города у воды или стены» (Lynch, 1960: 7).

Следующим первичным элементом являются районы. Районы (districts) – представляют собой средние и «большие части города, воспринимающиеся как двумерная протяженность, в которую наблюдатель мысленно входит «изнутри» и которые распознаются как имеющие общий, распознавательный характер. Этот факт может зависеть не только от личности, но и от конкретного города» (Lynch, 1960: 7).

Узлы (nodes) представляют собой фиксированные точки-элементы, куда и когда индивид, в нашем случае – горожанин, также может «прийти», являющиеся вместе с этим интенсивными фокусами, к которым и из которых он движется. Концепция узла связана с концепцией пути, поскольку перекрестки обычно выступают схождением путей, событий. Это связано с концепцией района, поскольку ядра, как правило, являются интенсивными фокусами районов, их поляризующим центром. Узлами могут быть перекрестки, места остановки транспорта, пересечения или схождения путей, переходы от одной структуры к другой. Узлами также могут быть места концентрации горожан (уличная тусовка или закрытая площадь). Многие узлы имеют природу как соединений, так и концентраций.

Еще одним типом окружения выступают ориентиры (landmarks). Ориентиры представляют собой определенные физические объекты: здания, вывески, магазины или природные объекты. Их применение предполагает выбор одного элемента из многих других. Ориентиры могут быть расположены внутри города или неподалеку от него. Это заброшенные башни, церковные купола, высокие и низкие холмы и возвышенности. Вы даже можете использовать движущуюся точку, к примеру солнце, движение которого довольно медленное. Другой тип ориентиров имеет местный локальный характер и виден только в ограниченных местах и под определенным углом. Это красочные вывески, витрины, крона деревьев, а также иные городские обыденные детали, заполняющие образ многих наблюдателей-горожан.

Они часто используются в качестве подсказок для движения и ориентации (Lynch, 1960: 46–49). Как замечает К. Линч, «эти качества можно было бы также назвать читаемостью, или, быть может, видимостью в усиленном смысле, когда объекты не просто можно видеть, но они навязывают себя чувствам обостренно и интенсивно» (Lynch, 1960: 8). В ходе данной работы

респондентам было предложено использовать все элементы ментальных карт, разработанных К. Линчем.

Основным материалом стали нарративные полуструктурированные интервью с молодыми людьми в г. Элисте. Интервью проводились в форме личных бесед с респондентами. Участниками исследования стали юноши и девушки. В интервью приняли участие 15 человек, из них 6 юношей и 9 девушек в возрасте от 16 до 25 лет, являющиеся активистами молодежных объединений, участниками молодежного оркестра и танцевальных групп, а также создателями молодежных брендов одежды. Специально для нашего исследования была составлена анкета, которая помогла нам провести опрос с целью выявления свойственного молодым людям образа окружения, формирующего «читаемость» в сознании молодых людей в период COVID-19. В процессе исследования перед участниками была поставлена задача изобразить эскизный план перемещений по городу (далее схема), отражающий их повседневные маршруты передвижений во время пандемии COVID-19. Создание схем сопровождалось подробными пояснениями и комментариями к изображенным объектам или его частям. Интервью проведены в период с января по апрель 2022 г. и вошли в состав наших полевых материалов (ПМА), которые были проанализированы в процессе работы над данной статьей.

Как пишет У. Отчере-Дарко, «пандемия стала неожиданностью, а способ передачи и природа вируса изначально были недостаточно известны, поэтому первые меры по борьбе с заражением в населенных пунктах, особенно в городах, касались ограничений в использовании пространства» (Otchere-Darko, 2021). «С приказами и рекомендациями „оставаться дома“ изменились способы введения повседневных городских практик, таких как образование, работа, шопинг или досуг», что затронуло все социальные группы населения и изменило привычный образ жизни, особенно молодого поколения, которому присуще быстрое реагирование на потребности кризиса» (Glavan, Nikolić, 2022: 6). «Социальное поведение и осведомленность граждан считаются важным фактором в борьбе с этой пандемией» (Eltarabily Elgheznavy, 2020: 77). Г. К. Галкин пишет о том, что «одним из аспектов влияния пандемии выступает именно ограниченность мобильности, самоизоляция, часто отсутствие мобильности в целом, что отражается как на биологическом, так и на психологическом здоровье пожилых людей» (Галкин, 2021: 29). Более того, «мобильность означает разные вещи для разных людей в разных социальных условиях» (Adey, 2006: 83). Ограниченная мобильность и расширение круга домашних занятий для молодежи, таких как дистанционный формат обучения, интернет-магазины, также повышают потребность в третьих социальных местах в окрестностях (Shen, 2021). В период распространения COVID-19 негативное влияние его на молодежь становилось все более заметным, о чем свидетельствуют социологические и культурно-антропологические исследования. Результаты социологического опроса влияния COVID-19 на молодежь в Кыргызстане доказывают, что «COVID-19 негативно сказался на доходах, занятости, в том числе на факторе неоплачиваемой домашней работы, психологическом состоянии и образовании молодежи» (Сыргаккызы, Нургалиева, 2020). Как пишут авторы исследования, более половины (60%) молодых людей и подростков испытывают высокий уровень тревожности. Тревога связана с заботой о здоровье близких, особенно родителей, а также заботой о будущем в стране и неопределенности. Повышенный уровень беспокойства отмечен среди сельской молодежи, а также в возрастной группе старше 24 лет.

Похожая позиция исследователей была высказана в работе Т. В. Блиновой, А. А. Вяльшиной и И. А. Ножкиной. Последствия COVID-19 были изучены, опираясь на теорию гендера, связанную с индивидуальными реакциями обучающихся на ограничительные и профилактические меры COVID-19. Авторы приходят к выводу о том, что важность здоровья как ценности в восприятии женщин стоит на более высоком месте. В результате анализа степени готовности к внедрению противоэпидемических мероприятий «женщины с большей вероятностью соблюдают меры защиты во время пандемии COVID-19, чем мужчины. Мужчины гораздо

меньше женщин соблюдают санитарные правила личной гигиены (мытьё рук), а также используют антисептические средства» (Блинова, Вяльшина, Ножкина, 2021).

Следует особо выделить работу А. А. Кирзюк о ковид-диссидентах и их взгляде на пандемию. Автор отмечает, что значительную роль при оценке закрытости и ограниченности во время COVID-19 играет «допандемический опыт идей и практик нетрадиционной медицины». А. А. Кирзюк приходит к выводу о том, что «радикальные диссиденты, практикуя альтернативные методы лечения и отказываясь от вмешательств, принятых в системе официальной медицины, приобрели «самодельную агентность», с которой не захотели расстаться в тот момент, когда государство ввело обязательные для всех ограничительные меры» (Кирзюк, 2021: 495). Как отмечают авторы, сомнения в благополучии некоторых слоев обучающейся молодежи и опасения по поводу коронавирусной пандемии постепенно исчезают благодаря информационному просвещению, вакцинации населения на фоне естественного снижения психосоматического напряжения. Исследователи отмечают, что «период пандемии COVID-19 повлиял на готовность молодых людей к самодисциплине, ответственной дистанционной учебе, волонтерской работе, к работе на „удаленке“ и персональной ответственности за себя и своих близких» (Петрова, Черкасова, 2022: 69–70).

Потребности города

Молодежь как наиболее мобильная социальная группа быстро реагирует на кризисы и становится отражением и переосмыслением всех этих процессов. Одним из важнейших проявлений таких процессов является возникновение в городской среде разнообразных «гибридных» потребностей у молодежи, отличающихся своими нормами и ценностями, своей эстетикой, внешней атрибутикой, манерой поведения, языковым сленгом, досуговыми практиками. В нашем исследовании мы делим город на два типа таких потребностей – социальные и биологические, расположенные в физическом пространстве и ограниченные в период пандемии COVID-19. К социальным потребностям мы относим общение, хобби, вовлеченность в различные сообщества (участие в клубах, группах, кружках). К биологическим потребностям причисляем здоровый образ жизни, занятия физическими упражнениями. В этом контексте важно исследовать, как защищаются и встраиваются названные потребности молодых людей в пространство и как они репрезентируются в восприятии города. Вместе с этим, обладая широким спектром проявлений, ресурсы города предоставляют место для удовлетворения социальных и биологических потребностей человека, а также объединяют молодежь по интересам (хобби), среди которых, к примеру: субкультуры игровые (геймеры), по различным музыкальным стилям (рокеры, металлисты), спортивные (футбольные фанаты, скейтеры), художественные (граффити) и многие другие.

Замкнутость потребностей города

Одной из наиболее важных ограничительных мер в борьбе с пандемией COVID-19 являлась политика социальной дистанции, направленная на ограничение скопления и присутствия людей в общественных местах. 23 марта 2020 г. «оперативный штаб в борьбе с пандемией COVID-19 поручил органам исполнительной власти в регионах РФ, в том числе Калмыкии, приостановить деятельность ночных клубов (дискотек), кинотеатров (кинозалов), детских игровых комнат и детских развлекательных центров, иных развлекательных и досуговых заведений, а также ввести запрет на курение кальянов в ресторанах, барах, кафе и иных общественных местах» (Протокол, 2020). В этот же период, 28 марта 2020 г., для борьбы с пандемией, правительство Калмыкии заявило о плановых мерах в борьбе с новой коронавирусной инфекцией на территории республики и ее столицы – города Элисты и сократило проведение

развлекательных (спортивных, выставочных, просветительских) событий в городе, запретило посещение ночных баров и клубов (дискотек), кальян-баров, закрыло доступ в школы, университеты и вузы, ограничило работу библиотек, музеев, театров, кино, а также спортивных площадок на территории жилых дворов. Применение нормативных законов позволило правительству Калмыкии принять ряд постановлений с целью мониторинга эпидемиологической ситуации, складывающейся в городе, и своевременно вводить ограничительные меры по предложению Роспотребнадзора и его подразделений. Примененные необходимые меры ограничивали не только людей из группы риска, но и свободу передвижения молодого поколения.

До введения карантинных ограничений молодые люди могли свободно передвигаться по городу. Места в пространстве Элисты ассоциировались с приятными воспоминаниями, вечеринками и общением молодежи. Это мог быть стадион «Восточный», где располагались так называемые тусовки, площадь «Пагода семи дней» или парки, кафе, где молодежь встречалась с друзьями и родственниками. Также следует отметить, что в связи с переходным возрастом дети, подростки и молодежь часто проявляют интерес к соседним районам, площадкам и улицам – тем, что выходят за рамки разрешенных (например, это проявляется в посещении различных мест в городе без разрешения родителей). Так, наша собеседница рассказывает: *«...Во время пандемии как бы не было возможности выходить совсем, т. е. это кардинально изменило мой образ жизни, потому что если до этого я вела достаточно активную социальную жизнь, посещала какие-то кружки и так далее, то во время коронавируса это все перевернулось с ног на голову, грубо говоря, и можно сказать, что мой образ жизни, мой распорядок дня стал более свободным и первое время т. е. было вообще очень много времени...»* (ПМА, 2022). Однако были и те, кто предпочитал проводить досуг в стенах дома. Причины на это могли быть различными. Кто-то не хотел проводить время в малоизвестной компании, кто-то стесняется своей внешности или боялся показаться слабым, кто-то считал прогулки требованием школы и родителей, а у кого-то просто не было времени из-за дополнительных занятий. В этом смысле введение ограничений мало повлияло на их образ жизни.

По мнению В. А. Доскина, Н. А. Лаврентьевой, В. Б. Шарай и М. П. Мирошникова, вопрос «общего эмоционального состояния, депрессий, неврозов, стресса определяется тремя основными составляющими – самочувствие, активность и настроение» (Методики диагностики, 2009).

Ситуация с пандемией COVID-19, затронувшая молодежь, становилась все более заметной в период действия ограничительных мер в апреле 2020 г. Большинство наших респондентов вспоминают, что чувствовали переживания и беспокойство. *«Из-за карантина все спортивные мероприятия закрылись. Отменили. Соревнования отменили там. Тренировки отменили. Занятия отменили. Просто сидел такой и не понимал, что делать?!»* (ПМА, 2022). Или другой пример: *«...Все находилось в хаосе, неопределенности, в учебе тоже было не совсем понятно, что делать...»* (ПМА, 2022).

Опасения по поводу здоровья членов семьи также вызывали беспокойство у молодого поколения. Наш собеседник вспоминает: *«Ну, скорее всего да. Я был напряжен. Больше за родственников, чем за себя. Ну и все в принципе. И то, что да, когда слышал то, что людей, грубо говоря, хоронят, не дав даже родственникам увидеться последний раз. Конечно, это было слышать тяжело»* (ПМА, 2022). Причиной возникновения такого состояния у респондентов служила неясность и неопределенность сложившейся ситуации: *«...Ну, типа не понимал, что будет дальше»* (ПМА, 2022). Чтобы не паниковать и перестраховаться, молодые люди искали достоверные источники информации во время пандемии COVID-19. Примечательно, что социальные сети и Интернет стали основным и важным источником новостей о распространении коронавируса для молодежи: *«...Я загуглил, а так вообще ежедневно мониторил “ВКонтакте”». Такая табличка была красная и зеленая. Сколько заболело, сколько вылечилось...»* (ПМА, 2022) в отличие от телевидения, радио и газет с официальной правительственной

информацией. Так, с начала COVID-19 правительство проводило ежедневные прямые эфиры, посредством которых освещались вопросы пандемии, зачитывались доклады о ситуации, о необходимых мерах по сдерживанию распространения инфекции на территории республики и города. Однако официальная правительственная информация вызывала недоверие у молодежи. Вот как объясняет это один из наших собеседников: «...Я не верил, почему-то. Мне кажется, кто-то может на этом заработать. А я что подделаю? Заболевают больше, заболевают меньше. Я могу только помочь своим движением и носить маску» (ПМА, 2022).

Или другой пример «...Ну тогда очень много вопросов было. Типа алкоголь, втирайте в кожу какие-то масла, что-то такое я помню. Мне ээжка (бабушка) присылала тоже. Натираться какой-то травой» (ПМА, 2022). Из приведенных отрывков интервью следует, что отношение молодежи к официальному правительственному информационному полю основывается на недоверии, отсутствии понимания в отличие от кыргызской молодежи¹. Из этого следует, что молодежная среда может различным способом относиться к официальным источникам информации.

Режим самоизоляции существенно повлиял на повседневную жизнь молодежи. Лишившись возможности вести активную жизнь вне дома, молодые люди стали «учиться жить» в пределах квартиры или дома. Дом для них стал местом отдыха, творчества, учебы и спорта. Одной из практик занятий спортом у молодежи стали бесплатные онлайн-курсы и видеоуроки от известных тренеров. Наш респондент вспоминает: «*В тот период еще все сидели в интернете. Я тоже не исключение. Была популярна такая тема на YouTube: были очень популярны уроки одной блогерши, которая постится, на спорте. То есть у нее были спортивные ролики, надо было какой-то блок в день, который ты выполняешь на определенную группу мышц, все такое*» (ПМА, 2022).

На молодежном сленге тех, кто систематически или профессионально занимается спортом, называют «спортки». Как правило, мотивы занятия спортом в молодежной среде носят индивидуальный характер в зависимости от поставленной цели, развития физических качеств или стремления к удовлетворению интереса к спортивной активности. «*У меня было так. Учился. Тренировки. А карантин начался. Тренировки закрылись. Дома сидел. Не знал куда деваться*» (ПМА). Респондент говорит о запрете физических упражнений как о недоступных ему более ресурсах, встраиваемых не только в структуру его повседневных потребностей, но и восприятия пространства города.

Восприятие города молодыми людьми в условиях COVID-19

Е. А. Бунич отмечает: «...три основные проблемы, связанные с изучением восприятия городского пространства, которые делают его специфическим предметом изучения и поощряют использование методов, отличных от классических:

- восприятие пространства происходит в движении, поэтому необходимо использовать мобильные методы;
- отсутствие рефлексии о восприятии городского пространства;
- трудности в вербализации сенсорных ощущений, связанных с восприятием городского пространства (особенно в случае тактильного восприятия) (Бунич, 2012: 45).

Распространение пандемии, введенные карантинные меры применялись ко всему городу. В схеме ментальной карты в период COVID-19 единый образ города включает в себя два основных элемента.

¹ Согласно результатам опроса COVID-19 на молодежь в Кыргызстане, 55,7 % девушек и 45,0 % юношей считают информацию, полученную от официальных источников, полезной. Самый высокий уровень доверия к информации, полученной из семьи и родителей, зафиксирован среди юношей (57,8 %).

Во-первых, основным элементом читаемости образа города выступают районы как крупные участки города, обладающие объединенным характером, в которые можно мысленно войти (Линч, 1960: 66). В качестве начальной точки маршрута респондент (схема 1) указал свое место жительства – 1-й микрорайон Элисты, проект застройки которого выполнялся на основе детальной планировки жилых районов еще в советский период. Д. Б. Пюрвеев отмечает, что «достоинством» 1-го микрорайона является четкая дифференциация территории на жилую, общественную и хозяйственную зоны, примерно 80 % жилых домов имеют широтную ориентацию, что благоприятно для условий Калмыкии (Пюрвеев, 1975: 124).

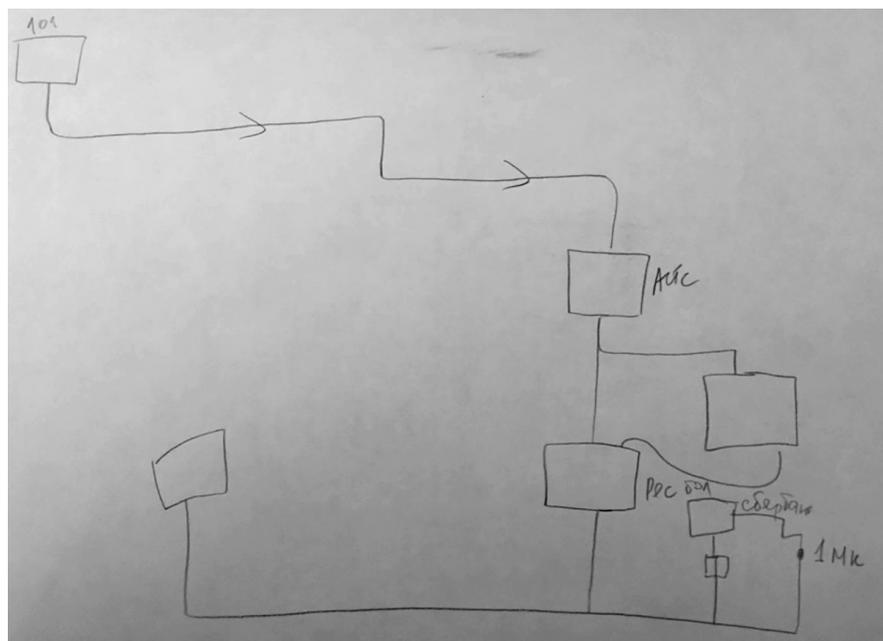

Рис. 1. Схема ментальной карты пространства города респондента. Схема 1

Когда респондент передвигался по городу в период распространения COVID-19, в качестве района (элемента окружения) он указал столовую под названием «Айс», которая стоит на углу улицы А. С. Пушкина. Респондент описывает центральный район Элисты, где находятся несколько торговых центров и моллов, центральные банки, магазины, пекарни и т. п. Столовая имеет некоторые особенности. Здесь нет привычных для калмыцких кафе и ресторанов деревянных складных решеток, напоминающих стены традиционного жилища калмыков, и картин с изображением ойратских ханов. На обеденных столах стоят вазы с цветами, пол выложен глянцевой керамической плиткой. Единственное, что напоминает о Калмыкии, – это черно-белые фотографии достопримечательностей региона. Показательным здесь является то, что в осмыслении образа города для респондента вышеупомянутый район имеет маркировку этничности, предметной характеристикой которого является вывеска в нарочито восточном стиле с традиционной для Востока красной расцветкой, отсылающей к «калмыцкости» в пространстве города.

Как замечает А. М. Лиджиева, «...в 1999–2000-х гг., смена облика, конструирование „восточного стиля“ характеризовались строительством буддийских сооружений в столице и в других населенных пунктах республики. В 1998 г. недалеко от центральной площади им. В. И. Ленина возвели архитектурное сооружение «Золотые ворота „Алти Босх“» (автор – художник Н. Борисов, 1998), идея установки которого явно связана с воротами как одним из типов буддийской архитектуры, распространенным в ряде буддийских стран. «Главные ворота», как их метафорически называют экскурсоводы, открывают пеший туристический маршрут, который начинается аллеей от здания Народного Хурала (Парламента) и Правитель-

ства Республики Калмыкии и заканчивается перекрестком улиц Ленина и Кирова» (Лиджиева, 2020). В итоге постройки, выполненные в нарочито буддийско-монгольском стиле, способствовали восприятию нового образа города. Данный факт стал брендом города, связанный с уникальным архитектурным стилем в ландшафте Элисты, с заимствованными принципами «восточности» в архитектуре. Как видим, респондент визуализирует одну из важнейших функций места – функцию этничности района в городе. В качестве конечной точки маршрута определен городской квартал, проходящий вдоль улицы Ю. Клыкова и улицы Л. Чайкиной. На его территории равномерно размещены школа, детские учреждения, встроенные в помещения первого этажа, и лишь частично – в отдельно стоящих типовых зданиях, которые в период пандемии COVID-19 ограничили свою деятельность. Как видим, дестинации, выбранные для изображения маршрута передвижения, являются не только результатом познаваемости тех или иных районов Элисты, но и «встраиваются» в визуальное восприятие облика города в период пандемии COVID-19.

Показательными в осмыслении образа города в период COVID-19 также выступают фокусы (точки), проходящие через пространство города и связанные с перемещением респондента. В качестве обозначения фокусов (точек), к которым и от которых респондент свободно перемещался, выделены магазин продовольственных товаров «Продукты» и банк. По схеме К. Линча, «большинство наблюдателей группируют элементы в некие промежуточные объединения, называемые комплексами. Наблюдатель ощущает комплекс как целое, части которых взаимозависимы и относительно четко взаимофиксированы» (Линч, 1960).

В другом случае восприятие пространства города создается наложением ряда элементов окружения (рис. 2). В структуре маршрута (схема 2) респондент выделяет элемент пути – улицу Демьяновскую, улицу Ленина. Эти улицы характеризовались как часть предметного облика в западном районе города. Заметим, что западный район Элисты – яркий пример отдаленности от центра. В географическом плане одной из особенностей местности являются равнины. Однако, поскольку город расположен в степной балке, из-за задернованных склонов разглядеть смежные улицы и частные жилые дома через въезд Веткаловой с пролегающей дорогой нельзя. Наш респондент, поясняя нам свой маршрут, с большим трудом смог вспомнить западную сторону улицы, хотя и осознал, что улица и переулок в этой части города соединяются с Северо-Западным районом Элисты. В приведенном выше описании района элемент «путь» не распознается как существующий «изнутри», в то время как выход «Северо-Западный въезд» означал бы внезапную и полную потерю ориентации для респондента.

Рис. 2. Схема ментальной карты пространства города респондента. Схема 2

Еще одна составляющая визуального образа города – железнодорожная линия Северо-Кавказской железной дороги, частично опоясывающая городскую территорию Элисты. В этом

дифференцируемом окружении использование места происходит посредством детских воспоминаний: *«Я помню из детства. Тогда еще не было 9-й улицы, вот этого не было ничего, и дальше просто степь шла. Из дома выходишь, и там просто поезд едет каждый день. Ну, просто смотришь с улицы, ой, с крылечка»* (ПМА, 2022).

В ходе интервью при попытке изобразить схему наш респондент прибегнул к помощи картографического сервиса Google Карты. Посредством данного сервиса он указал границы (линейные элементы) реки Элиста (от калм. элсн – песок). Одной из особенностей является то, что река, берущая начало в пределах Ергенинской возвышенности, имела водоток пресной воды. В период основания Элисты потоки речной воды питали большой Ярмарочный пруд (место для кормления скота).

Пространство по соседству с домом характеризовалось как недавнее пустое, неосвоенное и открытое место в зоне степи *«...Здесь ничего не было. Это вообще новые дома. Тут просто пусто было как степь. Мы там ходили кротов искали в норке. Вообще тут ничего построено не было раньше»* (ПМА, 2022). Другим элементом «читаемости» района выступает военный комиссариат, силуэт которого создает иллюзию продолжения улицы, а расположенный вдоль городской парк «Дружба» приобретает визуальную близость за счет своей композиции, взаимосвязанных комплексов растительности, рельефа, воды, инженерно-архитектурных сооружений. Как замечает А. М. Лиджиева, *«первые посадки Элистинской лесной плантации были сделаны в 1853 г. и оказались удачными, а успехи первой посадки привели к созданию плантаций из дуба, вяза, тополя, шелковицы. Повсеместно применялось орошение с помощью чигирей и ветряных водоподъемников»* (Лиджиева, 2020: 1392).

Вместе с этим респондент описывает нераспознаваемость предметного окружения: *«Там просто идешь... дома стояли жилые и все. Как просто едешь по Ленина. Просто дома стоят. Ничего примечательного нет»* (ПМА, 2022). Характерный тип закрытости в целом и целом, наблюдается резкая изоляция пути от предыдущих окружающих элементов. В вышеописанном случае молодые люди считают ориентирами железную дорогу. Тот факт, что дом респондента окружен степью, имеет значение для его распознаваемости в ментальных картах.

Как видим, единый и обобщенный образ Элисты в период COVID-19 в ментальных картах включает в себя группы сходных элементов – путей, ориентиров, мозаики районов, обладающих взаимодействием. Будучи замеченным по мере передвижения респондентов, район способен зафиксировать локализацию и усилить узел, подобно тому как это делает столовая «Айс». Так, большая часть молодых людей соединяет основные элементы места жительства, магазин «Продукты», банк, остановки общественного транспорта, пекарни в единственный комплекс образов города. Другая часть молодежи воспринимает свою «территорию» меньшей, к примеру пространство возле дома и ближний ориентир. Когда единственный комплекс образов города не находится, может образоваться «пустота» в восприятии и читаемости. При этом данные элементы могут не только придать внутреннюю структуру обобщенному образу города во время пандемии, но и усилить «читаемость», обобщив и углубив типичность отдельных мест. Элемент городского парка демонстрирует этот эффект, а компоненты «читабельности» (как часть образа города) способствуют узнаваемому пространству по мере ходьбы молодых людей.

Заключение

Таким образом, у калмыцкой молодежи возникают ментальные представления о городском пространстве в период пандемии. Участники исследования фиксировали символические места, крупные и малые районы, узлы и пути, встречающиеся в их ментальных образах. Анализируя ментальные карты в малом городе, удалось выявить лишь основные точки читаемости (ligibility) и воображаемости (imageability), которые на городском пандемийном уровне

создают взаимодействие между молодежью («районы», «ориентиры», «пути», «границы»). Анализ интерпретаций биологических и социальных потребностей молодых людей демонстрирует незакрытость потребностей в общении со сверстниками, в самореализации, занятиях спортом. До введения карантинных ограничений молодые люди могли свободно передвигаться по городу. Места в пространстве Элисты ассоциировались с приятными воспоминаниями, вечеринками и общением молодежи, а ограничительные меры, развернувшиеся в марте – апреле 2020 г. на территории Элисты, привели к тому, что восприятие пространства города в период пандемии COVID-19 у молодежи испытало ряд трансформаций. Режим самоизоляции существенно повлиял на повседневную жизнь молодежи. Потеряв возможность вести активную жизнь вне дома, молодые люди стали «учиться жить» внутри квартиры или дома. Данный факт значительно отразился на общем эмоциональном состоянии, самочувствии, активности и настроении калмыцкой молодежи. Причиной возникновения такого состояния у молодых людей стала двусмысленность и неопределенность периода пандемии. Примечательно, что социальные сети и Интернет стали главным и важным источником новостей о распространении коронавируса среди молодежи. Ментальные карты дают более однородное описание города, что позволяет выделять и сравнивать элементы для формирования восприятия города в период пандемии COVID-19. Показательным в осмыслении образа города в период COVID-19 выступают четко выделенные фокусы (точки), связанные с перемещением и проходящие через пространство города, не затронутые ограничениями, их высокая степень однородности в описаниях восприятия города не проясняет основные причины такой однородности, а, наоборот, заставляет задуматься о возможности искусственного построения образа с помощью самого факта обследования. Ментальная карта использовалась не только в качестве ориентира и передвижения по территории (маршрута), но и для ассоциативных процессов и суждений (оценки) о городском пространстве в период пандемии. Молодые люди формировали мысленные образы мест, где находились сами. Ментальная карта основана на субъективном опыте с объектами, которые можно назвать читаемостью или видимостью в период пандемии. Общий характер окружения в период пандемии COVID-19 описывается словами «пусто», «закрито». Таким образом, трансформация городского пространства ментальных репрезентаций молодежи под влиянием пандемии COVID-19 связана с физическими ограничениями. Выделенные элементы стали ключевыми для формирования восприятия города во время пандемии COVID-19.

Источники:

ПМА – Полевые материалы автора.

Протокол заседания оперативного штаба по предупреждению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации от 23 марта 2020 г. URL: [https://economkorsakov.ru/work/Протокол%20заседания%20оперативного%20штаба%20\(правительство%20РФ\)%20от%2023.03.2020%20№%2012.pdf](https://economkorsakov.ru/work/Протокол%20заседания%20оперативного%20штаба%20(правительство%20РФ)%20от%2023.03.2020%20№%2012.pdf) (дата обращения: 03.04.2022).

Литература:

Eltarably S., Elghezanwy D. Post-pandemic cities – The impact of COVID-19 on cities and urban design. *Archit. Res.* 2020. № 10. P. 75–84.

Jacobson D. Mental maps // *Encyclopedia of Human Geography* / B. Warf (ed.). Thousand Oaks, CA – London – New Delhi: SAGE Publications, 2006. P. 299–301.

Kitchin R. Cognitive maps: What are they and why study them? // *Journal of Environmental Psychology.* 1994. Vol. 14. Iss. 1. P. 1–19.

Leki'c Glavan O., Nikoli'c N., Foli'c B., Vitošević B., Mitrovi'c A., Kosanovi'c S. COVID-19 and City Space: Impact and Perspectives // *Sustainability.* 2022. 14, 1885. P. 2–19.

Lynch K. *The Image of the City* (Harvard-MIT Joint Center for Urban Studies Series). Cambridge: The MIT Press, 1960. 208 p.

Natalia Wojciuk R. M. Analysis of the Urban Space Perception Transformed Under the Influence of Complementary Architecture // *Procedia Engineering.* 2016. P. 1338–1342.

- Otchere-Darko W.** COVID-19, Spatio-epidemiology and urban planning // *Town Planning Review*. 2021. Vol. 92. P. 209–213.
- Salazar N. B., Smart A.** Anthropological Takes on (Im)mobility // *Identities*. 2011. Vol. 18, № 6. P. 1–9.
- Trowbridge C. C.** «On Fundamental Methods of Orientation and „Imaginary Maps“» / Е. А. Бунич // *Science* 38. № 990 (1913). P. 888–897.
- Willem A. Sulsters.** Mental Mapping, Viewing the Urban Landscapes of the Mind / SulstersWillem A. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.469.8617&rep=rep1&type=pdf>
- Андрюхина Л. М.** Ментальные карты (интеллект-карты) как контрольно-оценивающее средство по дисциплине «История и методология педагогической науки» // *Формирование кадрового потенциала СПО – инновационные процессы на производстве и в профессиональном образовании: сб. науч. трудов, материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 16 февраля 2016 г.)*. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2016. С. 78–86.
- Бадерина А. А.** Ментальные карты города Перми как способ реализации туристического маршрута // *Физическая культура, спорт, туризм: научно-методическое сопровождение*. 2018. С. 10–12.
- Барбошина Н. В.** Социокультурное пространство малого города: опыт изучения ментальных карт города Бузулука // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2012. Т. 12, № 4. С. 7–10.
- Беляева И. Г.** Работа с ментальными картами в процессе обучения немецкому языку в неязыковом вузе // *Перспективы развития современных гуманитарных наук*. Вып. III. Воронеж: ИЦРОН, 2016. С. 44–46.
- Блинова Т. В., Вьяльшина А. А., Ножкина И. А.** Гендерные аспекты самосохранительного поведения студентов города Саратова в период пандемии COVID-19 // *Экология человека*. 2021. № 9. С. 55–63.
- Бунич Е. А.** Методы изучения восприятия городского пространства // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2012. № 6 (112). С. 43–47.
- Галкин К. А.** Ограниченное пространство: город в период пандемии в представлениях пожилых людей // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2021. Т. 13, № 2. С. 27–40.
- Глазков К.** Ментальные карты: ограничения метода и образ «чужого» в малом городе // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 2015. Т. 7, № 3. С. 106–117.
- Замятина Н. Ю.** Ментальная карта: материалы к словарю гуманитарной географии // *Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах*. Вып. 5 / отв. ред. И. И. Митин; сост. Д. Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2008. С. 250–253.
- Кирзюк А. А.** «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 2. С. 484–509.
- Лиджиева А. М.** «Люди ехали и верили: город будет!». К истории становления Элисты как города в 1928–1930 годах // *Монголоведение*. 2020. № 4. С. 764–777.
- Линч К.** *Образ города* / пер. с англ. В. Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982. 328 с. Перевод изд.: *The Image of the City* / Kevin Lynch. The M. I. T. Press.
- Методики диагностики эмоциональной сферы:** психологический практикум / сост. О. В. Барканова. Серия: Библиотека актуальной психологии. Вып. 2. Красноярск: Литера-принт, 2009. 237 с.
- Орлова В. В., Иванова Е. С.** Ментальные образы города Томска (на примере студентов университета) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2014. № 1. С. 99–108.
- Петрова Т. Э., Черкасова Т. В.** Социальное самочувствие российских студентов в период ковид-пандемии // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 66–72.
- Пюрвеев Д. Б.** *Архитектура Калмыкии*. М.: Стройиздат, 1975. 183 с.
- Рупасов Н.** Ментальные карты Ижевска: стартовые позиции и перспективы города // *Иднакар: методы историко-культурной реконструкции*. 2009. № 2 (6). С. 030–075.
- Сыргаккызы, Нургалиева.** Отчет по результатам опроса влияния COVID-19 на молодежь в Кыргызстане. URL: http://www.donors.kg/images/docs/reports_and_studies/Report_on_the_results_of_a_survey_on_the_impact_of_COVID_19_on_youth_ru.pdf (дата обращения: 10.03.2022).
- Трубина Е. Г.** *Город в теории: опыты осмысления пространства* // *Новое литературное обозрение*. 2011. 520 с.

Лиджиева Алтана Марковна.

Младший научный сотрудник.

Калмыцкий научный центр РАН.

Ул. И. К. Илишкина, 8, Элиста, 358000.

E-mail: kulminova@gmail.com

Материал поступил в редакцию 21 октября 2022 г.

MENTAL MAPS OF URBAN SPACE AMONG KALMYK YOUTH DURING COVID-19

The article is devoted to the identification and structural and functional description of the features of perception of urban space during a pandemic from the point of view of studying its perception by young people. The author shows the relationships between the elements of urban space as constraints during the pandemic through the image formed in the minds of young people. The study is based on the mental mapping method developed by K. Lynch, which allows visualizing the main features of the city and its space during the Covid-19 period. The aim is to find out what image is formed in the minds of young people in relation to the spaces of the city of Elista. The study was conducted using the structural-functional method and the method of participant observation. The author concludes that the transformation of the urban space under the influence of the pandemic COVID-19 is associated with physical limitations. The image of the city is marked by old boundaries, which indicates the stability of the perception of the image of urban space, fixed in landmarks and gaining recognition in the minds of young people.

Keywords: *mental map, representation, pandemic, Kalmyks, young generation, perception, city, space*

References:

- Eltarably S., Elghezanwy D.** Post-pandemic cities – The impact of COVID-19 on cities and urban design. *Archit. Res.* 2020. No 10. P. 75–84.
- Jacobson D.** Mental maps // *Encyclopedia of Human Geography* / B. Warf (ed.). Thousand Oaks, CA – London – New Delhi: SAGE Publications, 2006. P. 299–301.
- Kitchin R.** Cognitive maps: What are they and why study them? // *Journal of Environmental Psychology.* 1994. Vol. 14. Iss. 1. P. 1–19.
- Leki'cGlavan O., Nikoli'c N., Foli'c B., Vitošević B., Mitrovi'c A., Kosanovi'c S.** COVID-19 and City Space: Impact and Perspectives. *Sustainability* 2022, 14, 1885. P. 2–19.
- Lynch K.** *The Image of the City* (Harvard-MIT Joint Center for Urban Studies Series). Cambridge: The MIT Press, 1960. 208 p.
- Natalia Wojciuk R. M.** Analysis of the Urban Space Perception Transformed Under the Influence of Complementary Architecture // *Procedia Engineering.* 2016. P. 1338–1342.
- Otchere-Darko W.** COVID-19, Spatio-epidemiology and urban planning // *Town Planning Review.* 2021. Vol. 92. P. 209–213.
- Salazar N. B., Smart A.** Anthropological Takes on (Im)mobility // *Identities.* 2011. Vol. 18. No 6. P. 1–9.
- Trowbridge C. C.** «On Fundamental Methods of Orientation and «Imaginary Maps» // *Science* 38. No 990 (1913). P. 888–897.
- Willem A.** Sulsters. Mental Mapping, Viewing the Urban Landscapes of the Mind. [Электронный ресурс] URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.469.8617&rep=rep1&type=pdf>
- Andryukhina L. M.** Mental'nyye karty (intellekt-karty) kak kontrol'no-otsenivayushcheye sredstvo po distsipline «Istoriya i metodologiya pedagogicheskoy nauki» [Mental maps (intelligence maps) as a control and evaluating tool in the discipline History and methodology of pedagogical science] // *Formirovaniye kadrovogo potentsiala SPO – innovatsionnyye protsessy na proizvodstve i v professional'nom obrazovanii: sb. nauch. trudov, materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Ekaterinburg, 16 fevralya 2016 g.).* Ekaterinburg: Rossiyskiy gosudarstvennyy professional'no-pedagogicheskii universitet. 2016. P. 78–86 (in Russian).
- Baderina A. A.** Mental'nyye karty goroda Permi kak sposob realizatsii turisticheskogo marshruta [Mental maps of the city of Perm as a way to implement a tourist route] // *Fizicheskaya kul'tura, sport, turizm: nauchno-metodicheskoye soprovozhdeniye.* 2018. P. 10–12 (in Russian).
- Baraboshina N. V.** Sotsiokul'turnoye prostranstvo malogo goroda: opyt izucheniya mental'nykh kart goroda Buzu-luka [Sociocultural space of a small town: an experience of studying the mental maps of the city of Buzuluk] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika.* 2012. Vol. 12, No. 4. P. 7–10 (in Russian).
- Belyaeva I. G.** Rabota s mental'nymi kartami v protsesse obucheniya nemetskomu yazyku v neyazykovom vuze [Working with mental maps in the process of teaching the German language in a non-linguistic university] // *Perspektivy razvitiya sovremennykh gumanitarnykh nauk. Vyp. 3.* Voronezh: ITSRON, 2016. P. 44–46 (in Russian).

Blinova T. V., Vyshina A. A., Nozhkina I. A. Gendernyye aspekty samosokhranitel'nogo povedeniya studentov goroda Saratova v period pandemii COVID-19 [Gender aspects of self-preserving behavior of students in the city of Saratov during the COVID-19 pandemic] // *Ekologiya cheloveka*. 2021. No 9. P. 55–63 (in Russian).

Bunich, E. A. Metody izucheniya vospriyatiya gorodskogo prostranstva [Methods for studying the perception of urban space] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. 2012. No. 6 (112). P. 43–47 (in Russian).

Galkin K. A. Ogranichennoye prostranstvo: gorod v period pandemii v predstavleniyakh pozhilykh lyudey [Limited space: a city during a pandemic in the minds of older people] // *Interaksiya. Interv'yu. Interpretatsiya*. 2021. Vol. 13, No. 2. P. 27–40 (in Russian).

Glazkov K. Mental'nyye karty: ogranicheniya metoda i obraz «chuzhogo» v malom gorode [Mental maps: the limitations of the method and the image of "alien" in a small city] // *Laboratorium. Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*. 2015. Vol. 7. No. 3. P. 106–117 (in Russian).

Zamyatina N. Yu. Mental'naya karta: materialy k slovaryu gumanitarnoy geografii [Mental map: materials for the dictionary of humanitarian geography] // *Gumanitarnaya geografiya: nauchnyy i kul'turno-prosvetitel'skiy al'manakh*. Vyp. 5. M.: Institut Naslediya, 2008. P. 250–253 (in Russian).

Kirzyuk A. A. «U menya net strakha»: kovid-dissidenty v poiskakh agentnosti i pravdy [“I have no fear”: COVID-dissidents in search of agency and truth] // *Monitoring obshchestvenno-go mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. 2021. No 2. P. 484–509 (in Russian).

Lidzhieva A. M. «Lyudi yekhali i verili: gorod budet!». K istorii stanovleniya Elisty kak goroda v 1928–1930 godakh [“People went and believed: the city will be!”. On the history of the formation of Elista as a city in 1928–1930] // *Mongolovedeniye*. 2020. No. 4. P. 764–777 (in Russian).

Metodiki diagnostiki emotsional'noy sfery: psikhologicheskyy praktikum [Methods for diagnosing the emotional sphere: a psychological workshop] / comp. O.V. Barkanova [series: Library of Actual Psychology]. Issue 2. Krasnoyarsk: Literaprint, 2009. 237 p. (in Russian).

Orlova V. V., Ivanova E. S. Mental'nyye obrazy goroda Tomsk (na primere studentov universiteta) [Mental images of the city of Tomsk (on the example of university students)] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. 2014. No. 1. P. 99–108 (in Russian).

Petrova T. E., Cherkasova T. V. Sotsial'noye samochuvstviye rossiyskikh studentov v period kovid-pandemii [Social well-being of Russian students during the covid-pandemic] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 2022. Vol. 22, No. 1. P. 66–72 (in Russian).

Pyurveev D. B. *Arkhitektura Kalmykii* [Architecture of Kalmykia]. M.: Stroyizdat, 1975. 183 p. (in Russian).

Rupasov N. Mental'nyye karty Izhevsk: startovyye pozitsii i perspektivy goroda [Mental maps of Izhevsk: starting positions and prospects of the city] // *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoy rekonstruktsii*. 2009. No. 2(6). P. 030–075.

Trubina E. G. Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva [City in theory: experiences of space comprehension] // *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2011. 520 p. (in Russian).

Lidzhieva Altana Markovna.

Junior Research Associate.

Kalmyk Scientific Center of the RAS.

Ilishkin st., 8, Elista, Russia, 358000.

E-mail: kulminova@gmail.com